

ИСУПОВ

УСИЛИЕ

тридцатое февраля
серпухов 2018 / 2

ИСУПОВ

УСИЛИЕ

тридцатоефевраля
серпухов 2018 / 2

Исупов

«Усилие». Стихи. Серпухов: Изд. «тридцатоефевраля», 2018. 94 с., ил.

О да, мы (ну какие «мы» — всякий миллионный) стараемся отличаться от других животных: верим, любим, летаем, творим, покоряем, пишем, думаем. Прилагаем усилия. Точно помогает? Не тем, кто, а полкам со стадами двуногих?.. (Вторая книжка.)

Иллюстрации Карла Рэндалла ([Carl Randall](#)).

Обложки:

1-я стр.: «Токийский портрет №4» (Токуо Portrait No.4), 2009, холст, акрил: 194 × 113 см.

2-я стр.: «Токио» (Токуо), 2011, холст, масло: 65 × 150 см.

Шмуцтитулы:

(I) Гонка протекает через всё: «Токийский портрет №3» (Токуо Portrait No.3), 2008, холст, акрил: 130 × 162 см.

(II) Ось ход продлит: «Токийский портрет №2» (Токуо Portrait No.2), 2008, холст, акрил: 182 × 227 см.

(III) Мычание, а потом рукой: «Токийский портрет №5» (Токуо Portrait No.5), 2008, холст, акрил: 112 × 145 см.

© Исупов И. М., 2017

© Изд-во «тридцатоефевраля», 2018

© Carl Randall, иллюстрации

Человек — это длительное усилие.
Мераб Мамардашвили

|

ГОНКА ПРОТЕКАЕТ ЧЕРЕЗ ВСЁ

Карл Рэндалл (Carl Randall)
«Токийский портрет №3» (Tokyo Portrait No.3). 2008
Холст, акрил: 130 × 162 см

Легко могу (краткое усилие — человек)

Могу — и без старания: *упасть*,
 устав дышать, асфальтовую точку
 поставив на затылке, даже пасть,
 когда в кармане мелочи и строчкам
 копающийся вряд ли будет рад,
 не растворю; глаза, напротив, в небо
 искательно уставлю невдогад,
 что эта ночь-без-звёзд косится слепо,
 и я так сбоку, что уже никто
 ей и её двум ясным пополудни;
 когда закроют, скажут: «Лучше б до
 обеда и дождя», увижу: будни.
Упасть проломленным сердечною рукой,
 в окно швырнувшей выпитое пиво;
 считайте нас на первый-и-второй —
 получите разгул инфинитива:
 «Пить — вредно», «жить — не очень», «иногда
 ходить путями страшно до смешного»,
 «не волноваться: люди», «(поезда
 орут) прошу вас повторить всё снова».
Упасть нечаянно, но прежде приземлив
 того, кто посмотрел не так, как надо:
 он улыбался вспоротый, разлив
 был скользким из него до клоунады...
 А возлюбить? А не сдаваться? А помочь?
 А пропадать без долгого усилия? —
 Тогда б мы были птицами точь-в-точь:
 небесные, свободные — и крылья.

Молчание в четырёх (хорошо — плохо)

Раскричалась, упав в одиноких стенах,
 промолчавших, руки не подавших:
 — Хорошо ж вам среди пострадавших,
 чей стакан пустотою пропах
 и валяется в крошечке пыли,
 словно тут никогда и не жили.
 Я жилища ещё или... Или?

Нет, родные четыре, я тут;
хорошо, что не шепчетесь: — Амба,
 отгорела упёртая лампа,
 и когда её, вспомнив, найдут,
 пирамидой пропахнем, помойкой,
 санитар санитару: — Не ойкай,
 хлорка выест, — заметит, и бойкой

перебежкой мешками снесут
 эту приторность рвущейся туши.
Плохо то, что не знаю, что хуже:
хорошо — или сущий капут
 с пузырьём изо рта и глазами,
 бегло, хоть и на Морзе, часами
 колотящими в стену «я с вами».

Тема глаз и зрения в парадигме русской обыденности

Глаза могли быть и, конечно, будут:
¹округлены до Радек-пятак
и лампу есть, и кулакам по пуду
смотреть в глаза глазами глазников,
нашедших у слепого полпроцента;
²не сомкнуты всю ночь, и день, и ночь,
и нечем больше, высохли, а энда
всё нет и нет, разбить окно, толочь
его, чтоб выпить разом, и с концами,
коль руки делают, пора, пора, пора,
но голосом слышанным с рубцами
отрежет кто-то: «Пальцами быстра,
могла бы собирать, а не томиться,
хотя бы выключатели того,
чего уж нет», и вымокнет ресница
впервые с, а рот не охнет по;
³закрыты, словно выколоты, на ночь,
а на́ день цугом шор остранены,
понеже настезь — и любой Иваныч
неотличим от фрица иль чухны.

456789

Шарканье и полёт

Приём, я точка, помещённая в пространство
без спросу, чтобы всякий чудный миг
робеть ребёнком перед постоянством
запотеваний: юн был — да поник,
узнав, что стар (а зеркало ни звука);
а выйдя в путь, вдруг замер по пути, —
и кто-то шарил ухом близоруко,
надеясь шёпот возле губ найти,
и холодно стучал словами в трубку:
«У этой точки налицо покой»,
а та, завидуя, следила за голубкой,
глазами ела небо час, другой,
дыханье затаив, мечтая тоже
не шаркать по прямой, но по дуге
взвиваться, а затем вздохнув: «О боже,
я залежался», всплыв, о ястребке,
что сизарей покусывал, с прохожим
Ту обменялась словом: «Вот же гад...
Сначала только больно: я, положим,
упав, подумал: мне и невдогад,
проснувшись утром, было, что я птица;
но небо рассмотрел и наконец
всё понял: удалось и поноситься».
С асфальта на меня глядел мертвец.

Но почему голубка, а не ястреб?

Под старыми обоями в пустой комнате

Не в одиночестве, но зычная — пустая,
пустая, но жилистая, просто все
утискались в большой, — ремонт сметает
всё на своём пути, и в бирюзе
окна, особенно чувствительного в марте,
посверкивает крыльями грачей
далёкий полдень, в чём-то перикарде
забилося сердце: славный книгочей,
я думаю, похожий, коль худышка,
на внучку внучки девочки моей,
ладонью на затылке треплет стрижку
под мальчика, кричит: «Сюда скорей!»
и набежавшим выпевает звонко
(такое эхо! — и она, юла,
всё утро забежала и веронку,
Джюльетту, примеряла — и цвела):

*Да знаю я, что́ это: похоронка,
под старыми обоями строфа
на русском (он ещё в ходу?) «вдогонку»
давнишней смерти через век (нет? два?).
Я точно умер :-)? Чёрт. Надеюсь, в спешке.
А карлик сдох? Сенатская была ль?
Читают ли меня (читать с усмешкой!)?
Ты кто, мой пра, напавший на скрижалъ :-)?*

Мама, это мёртвые велосипедисты

Мама, это очень: я на трассе,
 гонка протекает через всё:
 силу, жопу, ширь и восвояси,
 время и пространство и сосёт
 велосипедистов, словно лапу:
 утром развиднелось — пальца нет:
 безымянный высосан по жабу,
 кость без мозга, грязный, не отпет,
 а педали — вертит. Мама, это
 не сложнее боли: люди мрут,
 за весной, наверно, будет лето,
 а они — в седле и рвут в лоскут
 всякого, кто крутит не быстрее.
 Мама, это точно: пелетон
 от потерь не пьёт и не грустнеет —
 сáм такой: до первых похорон.
 Мама, это важно: смерть — движенье,
 если канул в людях, на ходу,
 и — покой, безделье, отраженье
 потолка, когда невмоготу
 сесть в седло и врезать вдоль Сибири.
 Мама, это счастье: меня нет,
 а лица́ на встречном юкагире
 тоже нету — вытянулось вслед
 нашей ля вуэльте (вряд ли запах):
 «Трупная подвижность хороша!»
 Мама, эта гонка не для слабых:
 позже умер — больше терпежа.

История ночных часов (с субботы на)

У времени с характером часы:
встать-бежать, час петушиный, время,
глаза продрал, решив тянуться впредь, —
но длится ночь, и тусклые низы,
её шумы и запахи, о темя
дробят себя, чтоб снова вечереть.

Из кухонной клепсидры на стакан —
с закладки на «...и спит в шкафах посуда»
до [Grab that cash with both...](#) из часов —
мениск излился, но не глохнет кран,
и запах ливня за́полночь повсюду,
не отогнать от задранных носов.

Промозглая, сякая, где заря?
Мой гнóмон не отбрасывает тени,
зато песочные исправны и пылят,
и я уже без завтра, но, хитря,
тесня себя к дверям, твержу: «Осенни
у времени часы», но возвращусь навряд.

Натюрморт

Закрыв глаза, я вспомнил: рядом люди,
 и если не хрипеть — затеребят:
то в зубы сигарету, чтоб в этуде
 курящий некто небу вверил взгляд,
 а небо, галкой подоспев, ходило,
 выискивая случай, по лицу,
 когда я задышу, слететь; мазила
 не огорчится птичьему концу, —
 картина будет натюрмортом, кони
 чертам знакомым придадут объём:
 курящийся помёт, пастух на склоне
 дня, лета, лет отбился под дождём;
то мальчики поставят на ворота;
то матери попросят посидеть:
 по улицам фланирует пехота,
 не приглядите ль за ребёнком впредь;
то налетят свои — сорваться в ужас,
 потом засомневаться: нет, живой —
 он только что (неужли удосужусь?),
 носился с «безупречною строкой»,
 проплакать ночь, закапывая, верить,
 что завтра будет лучше, чем вчера,
 но всё равно бежать на шум за дверью
 и, позабывшись, кликать со двора;
то вовсе не заметят за неделю,
 вторую, третью, не сходя с орбит,
 с Землёй накрутим осень в карусели,

и кто-то скажет: слякоть, а сидит.
Я, лавочка, вчерашняя газета
на некрологах: были, был, была, —
у натюрморта времени на вето,
покуда сопредельные тела
не привязались, — крохи, но все наши.
Закрыв глаза, я вспомнил: будь как все.
Художник мазал, дёргались мамыши,
гол забивали дети, я присел.

Можно пренебречь

В волну, в волну, не сняв пальто и с морды
ужимки «ещё слово, и набью»...
До срыва кран — и пусть себе фальшборты
нальются до мениска, и тряпью
материальной точки станет мокро,
и кафель не отмоется трудом
паденья вод до первого и ора
сквозь зубы, двери, для того и дом:
необитаемость такая, что ни крови,
ни прочей ДНК концов в воде
никто и не заметит, но на слове
поймают и зареют: бляеть, де,
алё, приём, я — точка, я лишь масса,
а что внутри, вам сочно наплева... —
впустую, а пунцового окраса
подтёки на — издержки меньшинства...
Безлюдно так, что можно всё, и даже,
когда попросят отсосать у самогó
(«У цезаря?!»), сглотнуть в ребячьем раже:
легко — у мёртвого, почту за рождество.

Никем! (Из Эмили Дикинсон)

How dreary – to be – Somebody!
Emily Dickinson

Хоть волком вой, когда ты *жив* и век
твердишь: я не никто, а некто,
не некто я, а Чук, а то и Гек
(Гек — нечто!), и для пущего аффекта
кулак суёшь или гремишь: «А сам
ты кто такой?» — и валишься, и валишь,
и тот, кто был в сомненьи, по глазам
ступает сапогом, а нет — седалищ
твоя нога касается, и пыль
на их зубах скрипит: «Зря не признали».
Когда ты существо — ты то ковыль,
то римский профиль на империале,
что истина, но теорема, и её
доказывать так устаёшь, хоть в воду.
Жив и *любим*? — Но стылое бельё
во гробе позавидует разводу..
Никем, никем! Бог знает что́ живёт —
и припеваючи: у облаков в соседстве
как оказаться, плавать взад-вперёд?..
Быть *чем-то* — очутиться снова в детстве.

Стена и столб

Развешивал настырно *строчки о*,
и губы прочитавшие «ну надо ж»
блестели звуком, делались легко-
доступными: их языком разгладишь —

и можно день прожить. Стена да столб
давали пару, вместе это густо,
а *дописаться* до сквозящих толп —
что онеметь, когда вокруг так пусто,

что голос отсыхает сам собой.
Стена из альф (увы), а столб — омега:
один луну держал, полуслепой, —
а ну как на ночь глядя человека

строка захватит, — кое-как светил
(а фонарей не видели ни разу,
а днём глазеть — недоставало сил
и любопытным быть, и лупоглазым);

другая окружала и брала
за глотку, и молчать в ответ молчанке
не получалось: или ты́ дотла —
или тебя услышат в этом танке.

...*Да обо всём*: о том писал, чем жив.
Как оборона, как порука, круговая,
стена мычала, и, себя отшив,
он тлел бы, а не жил, не иссякая.

Жил-был (silentium!)

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои*
Фёдор Тютчев

Жил человеческий прототип,
был разовым, но соло:
пел в электричке звуки рыб
забытого посла;
из гордости мог в рот воды
набрать на всю поездку,
и не хрустели даже льды —
в отплату, не в отместку,
и тишине кричалось так,
что изо рта брульона
не доносились ни судак,
ни ёрш, ни батальона
ударный залп по водам рек
(служивым нужен ужин,
вот и всплывает пузом тег
#хрен-вам-а-не-севрюжин);
набравши внутрь вина, виной
одолевалась рыба,
и поезд доплывал весной
до станции Спасибо,
а в полночь года плёлся вброд
через твердыни суши
и поступал наоборот
со станцией Похуже;
из смелости он пел, как чёрт —

морской, как окаянный,
и никли стены у аорт
в молчанке — валерьяне.

.....

Быть соло, но в один конец, —
безносая привычка:
по сердцу резанул тунец —
попал под электричку.
Был человеческий прототип —
и нету прототипа,
а образ жив, хотя охрип,
не замолкает ибо.

Полярная звезда

На случай побега сушу сухари,
 а зуда и знаний без счёта:
 у всякой шинели есть сердце внутри,
 а шило дырявит в решёта,
 а пёс не смолчит, но косые ж едят,
 а за лесом лес, ну так что же,
 а звёзд по-над волею край непочат,
 но север с Медведицей схожи,
 а волки не псы, не умеют прощать,
 а реки тебя не теплее,
 а если есть топь, то отыщется гать, —
 сентябрь, но ещё зеленеет,
 а лёд по утрам — это просто вода,
 звездчатая, как шестерёнки,
 а трактор, потерянный в поле, всегда
 расскажет дорогу к бурёнке,
 а гулкое «му» — это кров, молоко
 и первая ночь не под небом,
 а может, и кровь с молоком, и ушко:
 плети! ей покажется хлебом,
 а воля просторна, а водка сладка,
 а деньги не стоят надсады,
 но очень нужны, потому что бега,
 а дóхнуть под звёздами надо.

Дно

Подчас в распрекрасном, но чаще свирепом
 пространстве во времени выйти за хлебом
 не нужно — а тянет, когда ввечеру
 весь год, у которого лишние сутки,
 но не у него: на неё — ни минутки,
 на шее не место электрошнуру

(а завтра — посмотрим), на шее быть бусам,
 хотя и не ёлка, послужат искусом
 одеться... теплее? — Сейчас! Как в кино.
 Февраль, растридцатое, снегу-то сколько,
 она в бальном платье, к сутробам легонько
 примёрзнув, проходит по городу Дно.

«Как Одри, мать, Хёпбёрн, — заметили в лавке, —
 а роза в грудях из чего на булавке?
 Селёдка прелестная нынче, возмёмшь?
 А чёрного сколько? Тебе и корове?
 Мешок, как обычно? А шпильки. А брови».
 Уж замуж ходила, а всё невтерпёж.

На связи (всё будет хорошо)

Одиноким предоставляется почтовый ящик.
 Не вина вина, что гортанный хрящик
 под щепотью подрагивает в такт походке
 херувима улыбчивого, но к щекотке
 глазами жучки глухому, похоже;
 на втором стакане на щеке, то есть роже,
 слеза иссохшая, бороздою чёрной
 пробежав, прячется в туалете-гримёрной
 и ещё стакане, за которым напротив
 меня за столиком через дорогу, юродив,
 глумлив, но свой, открывается слоган
 «Одиноким предоставляется...» Сказка, у окон
 изжогу вызвав, подпаливает сетчатку
 и салфетку исчёркивает перепечаткой.
 «Одиноким предоставляется огненно-синий
 на просторах почты ящик под иней
 ваших тёплых признаний», — шарашит реклама.
 «Сколь задоринки в сучке». — Даже мумию мамы
 утруждает во гробе, что «...любой в ледниковье —
 напиши и — получит...» по морде любовью.
 Свои письма проглатывать через полгода,
 когда тянет сил нет как токопровóда
 не избежать — коснуться, занятно: слёзы,
 будто вши и чесотка при педикулёзе,
 негасимы и скорые. «Нет адресата».
 Тоже пишет кому-то! И подслеповато
 перебеливать старое, не меняя ни слова,
 чтоб прочёл в этот раз, надо снова и снова.

Портупей и перья

Т. М.

...А портупей на их телах
росли, как волосы на полу,
когда в придиричивых зеркалах
отбросив кудри, она к скреблу,
закончив ножницами резню,
взывала, драя до сини щёк,
и, отрясая с копён ступню,
глядела снизу в лес: волоок!
Да только плечи и корпуса,
не только наискось, но и в
постели (если все были за),
она не трогала, а мертвы
коль возвращались, попав в окоп,
их отпускали на память о
к законным жёнам, а ей — соскоб,
в котором было зерно его.
...О перьях, что выростали из
её цепляний за небеса,
они ни звука, когда вверх-вниз,
а нынче смежены их глаза.

Иногда взлетают

Напалм, иприт, фугас, тротил,
Он так считал шаги от дома
не ссы, страна, я отбомбил,
до КПП аэродрома
град, эсэсдвэсти, смит-вессон,
и, задохнувшись, до машины,
по разным целям, пощажён,
а в МиГе штатные аршины.

.....

Катюша, буратино, глок,
мортира, АКМ, граната,
макаров, это эпилог:
жена ушла, судьба сломата.
Спирт медицинский КПП —
и не спеша до самолёта,
«базука, люгер» при ходьбе
вошли в привычку у пилота.

.....

Вдруг вспомнил, что не взял воды,
и усмехнулся: час от силы.
А следом позвонил: эй, ты,
ты так хотела — ты и сбила.

.....

Петлял мертвецки, из пике
едва ли выходил и в штопор
срывался тотчас, по дуге

рѐв колотил в дома, и Доплер
в гробу вертелся... (Иногда
они взлетают и до бака
сухого кру́жат, и тогда...)
А город думал: вот собака.

Зима у нас

У нас зима, любимая, и манку
добыть нельзя — вся выпала долам:
крупа хрустящая, как уши без ушанки,
толстеет всюду, и ненужный хлам
дорог, вернее, направлений к дому,
от дома, к фронту, в лес и на восток,
неразличим без компаса, истому
не породит, ну разве что чуток,
когда, упав глазами в сыпкий ворох,
рассмотришь наконец-то, сколь красив —
как шаль из Оренбурга — на затворах,
прикладах и прицелах, а отлив
какой даёт стволам, залёгшим в складках
на местности от Сены до Янцзы,
наш снег державный. Он мне по сопатке,
а я кричу: изящней стрекозы
крыла твоих законченных крупинок!
А падаю, любимая, в снегá
по долгу службы, чтобы без заминок
тянулись танки: если ж глубока
новь под глухим каким-нибудь Парижем —
увязнут, и расстроится набег,
меня сполна накормят, только ближе
мне грудь твоя, а не пайковый снег.
Вот почему, любимая, не ноги
я отрастил, и даже не собак,
и не колёса — им на полдороге

подай супов, асфальт, «так-вас-растак,
пошли же, сиволапые, по трупам
Гранд-Оперá иль “Комеди Франсéz”!»,
но лыжи вострые, катящие по крупам
кордебалета, манным вперерез
разлуке нашей снежной, словно, баба.
Зима тут круглый год и навсегда.
Держись от нас подальше, сука, дабы
к вам не пришли родные холода.

Вглядываюсь (телевизор)

*Любимая, я — телевизор, и,
когда ты мимо бродишь перед душем,
глаза на мокром, позволяя туши
бежать от телефона у щеки,
швыряя в стену задремавший чай,
и водомерки, падая, от жути
дышать забыв, забыв о парашюте,
теряют смысл, как их ни привечай,
отпаивая после чаем с
отловленной в сачок дородной ряской,
его ключи в окно роняя в связке
с ну-и-катись-ты, а часы, трусы —
передо мной, исторгшую себя,
себя — на подоконник смятой грудью,
я что-то бормочу, но словоблудье —
зубовный заговор. Ты всмотришься, дробя
стекло на снулый барабанный бой,
услышав вдруг «и правильно, и верно,
давно пора, он пустота и скверна», —
а там лишь я, и можно, наготовой
искрясь, обмолвке идиота перст
из средних показать, я помню — правый,
тут он вбежит и растечётся лавой —
и ты растаешь, — а уж я отверст...*

Тебя забыл (холод)

Любимая, я — холод, а висок
 об угол — это мраморные греки,
 вцепившиеся в дальний парусок
 у горизонта, изнуряя веки,
 следящие с участием за ним —
 «конечно же, им правит царь Итаки», —
 глаза неосушимы, коль гоним,
 а сокрушителен — полны горячей влаги;
 «утонемте кораблику вослед!» —
 из волн уже зовут, когда за парус
 берётся ночь и Одиссея нет, —
 они не дни, им ропщется без пауз
 и знай себе поётся хорошо, —
 ах, все наружу давешние люди.
 А этот день, всегдашне трёхгрошов,
 хотя бы есть, — и это всё о чуде.
 Любимая, ты тоже вдалеке;
 спешу и падаю писать тебе из мела:
 пожал плечами, блеск на сапоге
 вернул, подумав: что ж меня заело...
 А кто не мрёт? Но я тебя забыл.
 «Так чай иль кофе?» — спросят на чреватом.
 Мне всё равно... А, вспомнил: у ветрил
 водился смысл, когда мы были рядом.

Не быть с тобой собакой (работёнка)

Любимая, я — работёнка. Та ещё:
В глазах читать. Не биться с ходу о
тебя усталую в дверях. Кусать для вида,
а не до крови. Сволочить сердито
лишь по заслугам, со слюной из книг,
цитатами корить, пока не сник
от утреннего заморозка взгляда,
виском об угол, убежать измято
и принести повинные цветы
(а вдруг поля зимою не седы).
И принести чего б ни попросила:
«С тех сосен заходящее светило:
телячью нежность крон, зачем мне всё?
Лист подорожника — ты так висок рассёк.
А помнишь, прошлым летом обронила?..
Не знаю, как, не знаю, где, чернила —
я напишу тебе, что принести:
мне хочется живой воды в горсти,
в горсти, в горсти, мне хватит твоей мели,
а то вдруг губы онеметь посмели...»
Есть поедом кусающий мороз,
хранить от прочих неотвязных проз...
А если ты уйдёшь — купить собаку
и выпить всё, чтоб отразить атаку.
Я — долгий труд не быть с тобой собой:
собакой шалой, одинокой, злой.

Идти (горизонт)

Ещё под стол пешком, но, горизонт
 заметив в первый раз, разволновался,
 спал птахою и утром в правом галсе,
 когда погода отнимала зонт,
 перекричал несносный ветер: «Как
 попасть туда?» — Во что бы то ни стало
 идти, я огрызнулся, до привала,
 потом опять идти, разбить бивак
 и вновь шагать, но нам не по пути. —
 «А вечером?» — Нас мама ждёт, чтоб супом
 из тигра, он кусался саблезубым
 ехидным ртом, вскормить. Да и дожди. —
 «А что если сейчас? Я до утра... —
 Сын был серьёзен, словно угрызенье. —
 ...Не доживу, как видно, и спасенье —
 быть там, пусть и спешить год-полтора». —
 Никак не меньше, ибо надо спать. —
 «Рискнём же, пап?» — Отважимся, ребёнок...
 И мы пошли, одни, без лошадёнок,
 он на плечах и светел. «Благодать!» —
 я признавался ветру, если тот
 впивался десятью узлами в спину,
 и мы взлетали, и кричал: «Чужбину
 я вижу! Но нам прямо! Речку вброд!..» —
 мой штурман, мой напарник, мой ходок.
 «Твой папа пьянь, а значит не из тигра», —
 нас подле ливня нового застигло,
 но горизонт был близок, хоть протёк...

Стржеминский

*Памяти
Анджея Вайды*

Так плохо, что сначала чемоданы
 стоят в двери, а девочка порог
 никак не переступит и «нежданно?»
 губами трогает; в углу морщинит бог
 высокий лоб, и хочется досады,
 а не стыда, который от и за,
 но руки на груди — крестом прижаты,
 и виноватые, но смелые глаза
 уже разыскивают чайник, сахар
 с собою, верно, принесла, и папирос;
 курить, курить, и он почти заахал,
 да кашель выручил и в сторону отнёс:
 он отшатнулся, и она, жалея,
 скреблась по шву пустого рукава;
 костыль расставив, «лишняя затея», —
 протестовал, откашлявшись едва;
 она прошла, «но я на всё готова»,
 и замерла, «вы ели? я сейчас»,
 и он смотрел, не говоря ни слова,
 как чемоданы, рухнув на матрас,
 картошку и скупую бакалею
 высвобождают, а затем, бочком
 у стенки став, пожитками мелеют,
 как печь чадит обеденным теплом...

«Я и не знал, что мне настолько плохо.
Благодарю, но нет. Мне — поделом».
Она не удивилась: «Я — дурёха.
А за вещами загляну потом».

На Венеру (ахдочегожтолстой)!

Когда-нибудь и я произнесу
(улыбка, увлажняющая веру,
обычность предстоящего в басу):
«Лечу, не смейся только, на Венеру.

Так скоро, как совсем не ожидал...» —
Избитая до извинений фраза
и трубный глас, которыми квартал
бодрить до срока, тыча раз за разом:

вы атакованы, примите валидол.
И взгляд в ответ, и смех оторопелый,
столь заразительный, что упаду под стол,
и вот уже хохочем а капелла

вдвоём, а то и сам-третей, раз воробьи
внимают стреляно десятым долям бела,
согнав себя на липы со скамьи,
да граждане проснутся оробело

и ну стучать ментам: тут смех в ночи.
И я узнаю, что смеюсь иначе,
а он услышит: «Только не учи,
как мне смеяться», а потом заплачем;

тут и портвейн закончится, и тишь
пред чем-то несусветным утвердится:

вдруг позвонит: «Ты, говорят, летишь?»
тот, с кем лет двадцать на ножах, ехидцы

в вопросе не замечу, рассмеюсь —
друг был один, и тот нашёлся, вот же!
«Ты будто не боишься». — Это Русь,
как не ходить в штаны... — «И я до дрожи».

И женщина придёт из-за реки,
с которой целовались, была осень,
и нет бы хохотнуть: «Ты береги
себя», допустим, — закричит: «Несносен,

зачем сейчас-то...» Будет это так:
на станции [Ока](#) спущусь к воде — и ноги
от наседающих со всех сторон собак
несносной старости и всей её мороки.
Ахдочегожтолстой.

II
ОСЬ ХОД ПРОДЛИТ

Карл Рэндалл (Carl Randall)
«Токийский портрет №2» (Tokyo Portrait No.2). 2008
Холст, акрил: 182 × 227 см

Первое января (весталка Клава выручает и блюдёт)

«Итак, тушу огонь», — сказала Клава,
которую вагонами *любили*
(не ледокол на днях, увязнув в иле,
стонал, но снегопад — чего? — состава
не дал дожидаться сборищу: орава
встречающих пугалась «или — или»):

«Им вымерзать на подступах к [Трёхгорке](#),
и нам в тоске с инфарктами копыта
отбрасывать в преддверьи суицида;
другое “либо” — на́ снегоуборке
вам жертвой пасть, забыв об отговорке
“никто, ничто — не подвиг — не забыто”»;

на [Белорусском](#) было беспокойно;
«[Весталку](#) Клаву! — попросил начальник. —
Тому, кто не отыщет, водки чайник
со мной не пить, и затяжные войны
я буду длить горячим, но спокойным»;
и Клаву привели, и спел печальник:

«Ну-с, докажи, что девственна и силы
в тебе достанет, чтобы сдвинуть поезд,
который завалило и упорист
в своём ни тпру ни ну, а ты стащила,
я помню, судно, — это было мило:
рукоплескали римляне, [а́брист](#)

употребляя пафосный “Сумела!”
 Бурлак на Тибре, сделай это снова»;
 и Клавдия легко и без гнедого,
 одною левой, но сперва несмело,
 потом решительней себя в хомут продела —
 и вывела состав и от швартова,

снегов недельных, злых и подмосковных,
 его спасла и лом одною правой —
 чем врезалась трудягой, а не павой, —
 в порыве заплела, в козлах и овнах
 восторг родив густой и поголовный:
 «Девица без упрёка!» Впрочем, славой

ей увлекаться некогда), и *пламя*
 электроламп пожухло и погасло,
 подлив в огонь гуляний каплю масла:
 «У нас тут Новый год, мы за столами!» —
 «Не бойсь, включаю». И она стволами
 двух ёлок запалила город *назло*

всему плохому, что случилось в старом,
 а значит Новый — факт, не неувязка;
 и лук священный поменяла в связках:
 теперь с испанским кипенным загаром,
 что центнерами дарится гектаром;
 и лишь вдогон стакан-другой «Фетяски».

А завтра снова служба тёплой Весте.

Одна спасёт

Объезжайте на дорогах мёртвых (может быть) собак:
вряд ли кто ещё не стоптан иль устал, прилёт; табак
(лучше «Шипки» перед смертью, обессилев до натуг,
когда сдохнуть это счастье, не придумано ещё),
отпущение проступков, там котлета, тут борщок,
стало быть, нужны не очень, но случается «а вдруг».

Вот тогда в котлете дело и оставленном бычке —
выезжайте на дороги конным, но не налегке:
дайте нужное лежачим и стоячих по домам
развезите, доискавшись, где их кров и ждут ли их,
с лестниц спущенных, забитых, шелудивых, но живых,
а лежачих приютите — хоть с грехом, да пополам.

А когда и вас погонят за «с ума сошёл, приют»,
не грызите тех, кто в шею, — пёс блаженный, но не лют,
выходите на дороги и спиною наперёд,
с пальцем поднятым тянитесь к морю, что ли, или в лес
(вас куда всегда тянуло?), поперёк, наперерез;
будет больно, но удастся — сто собьют, одна спасёт.

Молочница (ок. 1660)

— Мнѣ — напѣвѣть? — Густой тягучий звук,

♪ *коровы молоко дают*, попробуй*.

— ♪ Коровы молоко дают. — Не вдруг!

А исподволь, нечаянно, утробой —

не ртом, а сдобой на своей груди,

едва губами помогая песне,

тяни мне нѣ ухо и голос низводи,

♪ *коровы молоко дают* прелестней,

когда ты не разбудишь этот дом,

но лишь поможешь молоку излиться,

♪ *коровы молоко дают*, притом

звук должен быть молочным, мастерица

орать ♪ *коровы молоко дают*:

струя, что в миску падает, послушна

и шёлкова, она из сладких блюд,

а ты в подойник цедишь, вот как нужно:

♪ *коровы молоко дают*. — ♪ Коровы мо...

— Молчать! Не так. Не то. Сейчас же губы

сведи до щели и шепчи: ярмо —

когда к молочнице так пристают и скúпы

на слово доброе. Я жду. — *Ярмо — когда́*

к молочнице так пристают и скúпы

---

* Речь идёт о картине Яна Вермеера (1632 — 1675) «[Молочница](#)».

на слово доброе. — Ещё туда-сюда,
и никаких ♪ *коров*, на что тебе Гекуба...
Лей и шепчи, покуда воздух чист,
моя медовая, всходи на этом млеке...
Шепчи и лей, не то придёт кубист...
Меня забудут, ну а ты навеки...

Она вертится (Пахельбель)

Оставить клавиши вибрировать чаконой,
 притаптывая каблуками круг,
 описываемый такой бубонной,
 въедающей музыкой излук
 и возвращений на своя кривые?..

Он*, уставая, выходил, — и звук
 в ушах ли на макушках, раз живые,
 заслушиваясь, падали, из рук
 себя роняя; в инструменте ль, эхом
 мятущемся в покинутых стенах
 (падения сгущаются в огрехах,
 и в отраженьях набегает швах),
не умолкал, мелодия вертелась.

От Барбары вернувшись под ружьё
 (в постель, жена, желанна оголтелость!),
 он лишь подхватывал и одарял её.

---

* Иоганн Пахельбель (1653 — 1706) — немецкий композитор и органист.

Абстракт номер номер (что такое кастеллано и пиполо?)

Определённо, это куб, в котором
не пиполо, так кастеллано хором
растрескивают толщу, прорастая
собой из мрамора в такую же толпу.
Резец мне, и поярче! — Отскребу
томящихся, — без них и дождевая

...

зря падает и топится без прока:
к дну не спеши, вода, не одинока
ты — у тебя есть я и тёплый мрамор.
Из камня в зеркало, в меня, глядится бюст:
чрев матери рассудочен и густ:
два бюста в нём, и нет подводных амфор.

...

Провижу глубже: бюст уже у стенки,
где мелом чертят разные оттенки
алгебраических, вплоть до шестой, калёных знаний:
то пиполо, по бёдра, головаст, —
я вырежу, а он себя предаст
и Диофанта, бога истязаний.

...

Перед припадком новое виденье:
бюст ног, ворот, ударов и биенья
огромного, как мяч погонный, сердца:
у кастеллано не удар, а лист —

сухой, летучий, вовсе не смолист:
к рукам не липнет, не Шопен, но скерцо.

...

Картошкой из утёса выпрут оба,
и их не отличить от эскалопа,
но люди же — их поедом глазами;
другой просвет: сгодился проливной
(не голубь, чай): блестят, как мёд, блесной.
Я вырезал: валяйтесь со слезами!

Без паники (капитан Салерно)

С утра выискивал — и за борт. За борт. За борт.
Рты открывали: «В трюме точно уголь
уже не теплится — горит, хотя и заперт!...»
Он громкой связью звал, и в этом *удаль*
известную почувствовал, голубя
в руке уже второй стакан, которым
сердечно чокался, встречая в правдолюбие
доверие к себе, и приговором,
словами в нос «простите, очень надо»,
что следовал затем неотвратимо,
подчёркивалось: нет, не клоунада,
но извинительная, скажем, пантомима.
«В особых обстоятельствах я должен
вам предложить себя, коньяк, беседу». —
«Как к капитану не зайти, хоть я ничтожен!» —
«Ну не скажите, в скромности есть беды.
Вот у меня знакомый...» Вниз летящий
ещё улыбится и говорит «спасибо»,
а сам уже в воде; вперёдсмотрящий —
и тот не разглядит несчастья, ибо
у каждого своё предназначенье:
один предвидит будущее — это
он, капитан, а выпавший стечение
паршивых обстоятельств (с кем-то, где-то,
не то, не вовремя) предупредить не волен —
и платит жизнью... Перепуг *покуда*

команды не задел и с колоколен
не бьётся насмерть. Паника не Будда.

...А эта *удаль*, эта страсть, с которой
он исполнял и, нелюдь, был рубахой,
с которой улыбался им и «скорой»
спешил топить их, а не черепахой,
его свела: и он раз в рейс на рее
отныне вешался, а мальчики снимали —
чем чаще, тем привычнее и скучнее,
и он фиксировал событие в журнале.

Стена

Заботливый, как нож перед ударом
(а может, я забылся, и бифштекс
иначе добывают, и рефлекс
на мёртвый взгляд убийца в сухопаром

телке под током не горит, а тлеет?),
заботливый, как белые глаза
забойщика (похмельная слеза,
кирза, слова «чего, дурак, филею

уже не больно, и учёный мэни
Ом пáдме хум сейчас всё объяснит»),
заботливый, короче, *ледовит*:
был в облаках вчера, с утра в тумане

(буквально: соблазнял по переписке),
но вот открылся и, сверкая льдом,
зовёт любить и пользоваться пупом
за метром метр, и, стоя на огрызке,

на контрфорсе, кажется, что близки,
интим фатален, правда, *бастюион*,
что сколь отвесен, столь посеребрён?
Но переливы льда — как астериски:

*Я гол, осклизл. **Я именно та дева,
которая не даст. ***А может, вниз?

Там точно не дадут, когда на бис
вас, отыскав, пристроят для согрева —

не хоронить же снег — на солнцепёке...
Два пятнышка цветных перед *стеной*,
им загорелось в небо, и виной —
ч/б-стена во льдах, и в безнадёге

примету видят божие коровки,
знак — добрый, без сомнения. И та,
что красная, начав подъём, «айда»
твердит лазурной недурной сноровкой.

Зиганшин

Собака тает, ветер сносит лодку.
 «В дождь занесись, а по пути в косяк.
 Но не в мечтах! — Зиганшин, съев пилотку,
 муссон подначивает: — Или ты иссяк?
 В сержанта вслушайся, иначе ты — собака».
 Пёс увядает, плавсостав косит
 в три глаза, приползая с полубака,
 а в трёх других — непреходящий стыд:
 «Собака не отбрасывает тени
 давным-давно, и на её крови
 мы выстроим спасение: пельмени,
 сержант, из Рекса не вопрос любви.
 В нём жил одних на плаванье до дома». —
 Поплавский плакал, это говоря.
 Рыдал Федотов, а Крючковский в кому
 впадал со сраму. Только это зря —
 Зиганшин непреклонен: «Пса не тронем».
 Зиганшин — мать родная: сняв сапог,
 втолковывал: «Кирза еде антоним
 но лишь на суше, в море всякий кок
 из сапога спроворит антрекоты».
 Зиганшин — командир, но как никто
 готовил голенища. Лишь широты
 по-прежнему их гробили, зато
 пёс поживал. А дел обычно — море:
 пса прикормить (отрезав на ноге
 кусочек пальца, — «А, найдёмся вскоре, —

ронял Зиганшин. — Ноги в моряке не главное, собака»), вновь съестное на барже отыскать (из честных слов он делал заливное на второе — а первое? а третье? Вот бы лов сегодня удался...), развлечь лежачих (Крючковский ещё ползал — помогал, но пел ужасно), наконец, в придачу, заметив судно, кубрик сжечь (сигнал).

(Зиганшин-впрок Зиганшин-штуки с тех пор таскал — извлёк урок. Зиганшин-штуки Зиганшин-впрок таскал везде и без натуги.)

Галилей

Так далеко, а будто бы рукой
подать, — и небу хочется за тучи;
свербит у тверди, выгнутой дугой,
когда, всё вызвездив, кометою до кучи
сияет неразменным пятакком.

А потому что, ох, под колпаком:
глаз въедливый ресницами у линзы
ликует, наблюдая прямиком
туманностей неясности, зализы
корон светил и нелюдность дыр.

И небо удаляется в надир,
не зная что и думать, коль загадок
отныне нет; глядишь, и антими́р
покажется, свихнув миропорядок,
и сторону заветную Луны

серпами жать рванут до желтизны
лиц гастарбайтеров и родинок на карте
—

Китаю в безвоздушье хоть бы хны,
и нету стороны — как пива в кварте,
тем более что стороны и нет.

А дальше — беспроглядней: у ракет
достанет неотёсанности камня,

рассадят лбами в прах стеклопакет —
и к чёртовой, ad astra, шаг чеканя.
Владелец зоркого! Остановись, забей,

расколоти до правильных дробей
свою — глаза по плоске — чечевицу;
мир неустроенно устроен, и плебей
за чечевичную похлёбку, не скривится,
отдаст большое «М» Кассиопей.

Зачем животным небо, Галилей?

«Кассини» всё

«Кассини» всё — но [кольца](#) не долой,
 им не перевестись, как в [двадцать первом](#),
 когда Земля, сходя с ума, юлой
 вилась, ища спасения, и нервам
 щекотки добавляли стугстки цифр:
 год, месяц, дни и ночи, нетто-масса
 камней сатурновых, что, в шарик угодив,
 вернут его в запасники триаса,
 и дышащий двояко, в лапте мел
 ошелушив, откроет человека:
 «Завидев кольца, предок онемел
 (см. рот сведённый), яростного бега
 (см. органы движенья) от беды
 на воздухе изменнически мало,
 а мыслил ли, убравшись из воды, —
 кто знает, но не глубже минерала...»
 «Кассини» всё — но кольца на местах,
 их даже прибыло; [планета](#) ж [Энцеладом](#)
 уже кичится — и Земля в мечтах:
 покрыть бы сателлит эякулятом.
 «Кассини» всё, а слёзы на глазах
 с кулак Сатурну — это оттого что
 мы были с ним в минутах — не часах,
 но прервалась заботливая почта.

В отдалении

И снова день, он настаёт. И человек,
он не ложился и среди полос дорожных
лежит затылком в небо, осторожно
копается в себе как будто. На парсек

корабль с задорным словом «Пионер»,
затёртым, впрочем, неудобным небом,
переместился и, урезан хлебом —
общением с Землёю, дальномер

разбил. И рацию. И тот, кто говорил
все эти годы с яростной железкой,
а полюбив, слал ночью эсэмэски,
столь нежные, что для любых горнил

корабль не по зубам был, сразу сдал:
запричитал о раскладушке в ЦУПе
и деле жизни — неминуем труп, —
он с «Пионера» угодил на бал;

дуэль бы с отдаленьем помогла,
лепáжи, говорят, всего вернее...
Уборщица пропела: «Мудренее!»
и выгнала, гордясь, и догола,

по локоть, закатала рукава —
одних окурков было с карциному.
И человек, уйдя, припал к спиртному
и отвернулся — так обидна синева.

Ранние карандаши

Карандаши приходят первыми
и чертят, чертят корабли:
их романтическими нервами
дрожат приборные нули;
рули пространств и зверской скорости,
пообломав все девять Т,
согреть в приветной рукотворности —
канон, — им править в пустоте;
от гордости иллюминаторов,
их хрусталей и дуг кругов,
к точёным лицам навигаторов
и ковылям иных миров
карандаши, ломая грифели,
а в смелых спорах и мозги,
перебегали и счастливили,
как подле сиськи грудники.
Цеха, ликуя от безбрежности
готовых к ночи чертежей,
«качать!» кричали и до нежности
смягчали Т карандашей
постройкой щедрой и решительной
проникновенных кораблей, —
не до портвейна и курительной,
коль вылет утренних кровей.
И на рассвете навигаторы —
прекрасны, как на чертеже! —

всходили, следуя в кильватере,
будя своих карандашей.

Карандаши приходят первыми
и чертят, чертят корабли.
чем иногда похожи на людей.

И на Марсе будут

Упавшее в багрянец ждёт момента,
когда собаки сделаются карго,
до той поры надеяться на *lento*
не привыкать, а жизнь растится *largo*,
от бури к буре, что в мороза лузу
коричное положит, и, как галька,
лоснится яблоко — подобится Р. Крузо,
расчёске выпавшей, болта и гайки кальке,
фуражке командира аппарата
для устремлений в нежилое небо —
поверх скафандра, оттого и трата,
попробуй удержи, куску плацебо —
верёвке, что его соединяла,
бестрепетное сердце, с аппаратом,
да не смогла, кружкам карманным нала,
а прорасти, когда ты самокатом
и ледяное, как тоска по Спасу,
пока не вышло. Милые ж собаки
как налетят, как с голодухи, фасу
отдавшись, искусают после драки
(какой на Марсе корм — одни бояны),
тут семечко и выбежит наружу.
А может, это будут обезьяны.
А может, кто ещё уронит грушу.

Лайка, Иван Петрович

Не лампочку глотать, когда слюна
 висит и тянется, искрится и бифштексом
 на сале, с луком искровенена,
 а подниматься над усталым сексом
 с рефлексами и Павловым, блеснуть
 глазищами, над чем-то пролетая:
 о, это кость от кости нейросеть,
 о, это лаборантка, из минтая
 икру тайком («собаки не хотят»)
 алкающая умными губами,
 а, это Стрелка, иеремиад
 достойная за Белок со свищами,
 а вот и слой, где «Осоавиахим»
 покрыл себя хвалой и медным тазом,
 а выше надо быть вовсю глухим,
 и/или целиком голубоглазым,
 чтоб мёртвую меня найти живой
 с отменным пульсом, очень боевитой, —
 летала — знаю: тюбики с халвой,
 да челюсти свело земной орбитой.
 Не только жрать, Иван Петрович мой,
 слюною брызгать из-за чахохбили;
 условности рефлексов жмут тюрьмой:
 когда вы уходили — мы парили.

Анаксимен (воздух!)

День не кончался, вытянувшись в нежность:
ночь наступала, видела нездешность,
светлела чёрным лаковым лицом, —
и засыпал, засыпан сонным пеплом,
далёкий низ, в котором в гласном беглом
день ото дня не ноет под сосцом, —

робела значит, может, почитала.
Постукивал по телу из (садала?
из краснотала? ясеня? сосны?):
пусть ствол, разбив хрусталь, влечётся выше,
а я уж догоню — покуда иже
еси на небесех и, точены

подъёмом, небеса дают поблажку.
[Я](#) цвёл и пах, я с ветром нараспашку,
и даже не старался — просто лез,
дышал и лез, лез и смеялся, лез, и древо
овладевало мной: я видел слева
и справа, как Земля плыла. [Фалес](#),

не по воде — но в воздухе тонула!
Я видел пастухов, клянущих мула, —
он к краю подошёл и рухнул вниз:
все вылезли, все выплыли сухими.
Когда спущусь, вручу скотине имя —
твое, мудрец Фалес Милета из.

Жизнь есть дыхание, дыхание есть воздух,
а воздух — всё на тверди и на звёздах:
взойду на небеса — и пропаду:
женюсь на астрономке с Волопаса,
пусть и пасёт коров своих вполглаза,
а вы уж без меня — но на виду.

Влез Паскаль (окружности нет)

Вот небоскрёб, живущий на боку
в земле, где воздух с высотой очень
непрочен — прекращается, но сочен:
забравшийся сойдёт в его соку:

опустится на крыше до трубы
и будет вялить небо, мясо, рыбу,
а птицы скажут: — знаете, спасибо,
считесь сами, мы ещё слабы, —

и на боку, а всё же высоко,
высоковато для беды и боли,
мы лучше в тропосфере обездолим
скворечники и наше молоко.

Вот наши птицы... Ладно, заведём
не дар к полёту, так хотя бы синих,
но не корите нас в чужих гордынях,
когда сорвёмся с неба кирпичом,

забравшись выше крыши, — это так,
всего-то изумление: мы можем,
приберегите синяки ладошам,
мы завтра, верно, тронем зодиак.

Упасть не гордость, просто ещё шаг,
а сверзились по глупости, но скоро...
Нам мир вокруг и выше впрок и впору,
пока его высот не взять никак.

Капитан Отс (16 марта 1912 года)

В полку простят, что вымерз до поклажи
и попросил упаковать в мешок:
«Сон тотчас набежит, и я заглажу —
и вы дойдёте. Надо ж, как продрог,
не круглый, жаль, катили бы ногами.
Смеюсь, друзья. Оставьте — и вперёд»,
но не поймут, что не сумел словами
уверить, что и дня не проживёт,
хотя оценят полюсные мили,
которые он вымерил, став льдом
(невиданно, а может, изумили),
и вызвоненное хрустальным ртом:
«Когда-нибудь вернусь. Я тут, снаружи»:
красиво вышел, исчерпав слова...
И все они дойдут, лишь он* со стужи
влетит в палатку: «Не замёрз едва!»

---

* Капитан [Лоуренс Отс](#) был первым на Южном полюсе вместе с [Робертом Скоттом](#), Эдвардом Уилсоном, Эдгаром Эвансом и Генри Бауэрсом (правда, через 39 дней после Амундсена). Обратный путь, увы, не удался: погибли все; полумёртвый Отс, которого товарищи не хотели бросать, сделав ещё несколько миль и переночевав вместе со всеми, вышел утром из палатки со словами: «Пойду пройду. Наверное, вернусь не скоро»; больше его не видели... И о полке: Скотт [писал](#) в дневнике: «Последние мысли Отса были о матери, но перед этим он с выразил надежду, что его полк будет доволен мужеством, с каким он встретил смерть».

Всё полно богов (капитан Скотт)

Бог керосина и припасов на маршруте
уполовинил чаемое, а
живой, как ртуть, бог нервной мерной ртути
дыханье оборвал у сорока
дней семь тому назад, когда бог снега
понёс от бога полюса пургу,
и гладкий бог дороги и ночлега
выл кабысдохом: «Больше не могу»;
бог дня полуживое делал камнем,
бог ночи по палатке гольши
катал, и те примеривались: «Канем —
до склада чуть, да в ветре ни души»;
«И, ради бога, не оставьте семьи», —
водя рукой, стирал последний штрих
со [Скотта](#) Бог, смущаясь мелкотемья.
Кругом полно богов, но не людских.

Разбилось небо

Разбилось небо, будто чашка,
 и звёзды выплеснулись прочь,
 и вот уж словари в распашку
 пошли, вымарывая ночь:
 задумчивой звалась, а стала...
 Была лучистой, а теперь
 остерегаться вынуждала...
 Такой, что не откроешь дверь
 себе, шагнувшему в потёмки:
 что если сжатая в руках
 лопата билась не с позёмкой,
 потела, роясь не в снегах,
 а укорачивала дальность
 дороги высыпавших в мрак?
 Ночь стала шанцевой, тональность
 сменив с покоя на столбняк.

Глухая ночь. Две чашки чая.
 Его — в светильках. Сахар, мёд.
 Треплюсь по кухне, выручая
 себя: завяну — не придёт.
 Что я без чая с Ним? — Растяпа,
 расколотивший небеса,
 хлебало жвачного масштаба,
 разбил, замёл — и ни аза
 (аз вроде есмь, да только толку:
 увидев, что за небом даль,

опешил (не дорос!) надолго,
и небо вовсе не хрусталь).
А Он — один, без этой чашки?
К чему вся это бормотня?
Кто? Каково Ему? — Бедняжка
без неба, чая и меня.

Рождение Кука

Дух занялся, когда морозы пали:
волна и рыба, следуя в запале
дня, что легко взбежал на перевал,
на юг не торопились, но текли,
и птицы обмякали на мели,
прибой их по заливу линовал, —

дремали на волне: изгибом воздух
та трогала, и, опадая, в роздых
короткий окунались летуны, —
ещё бы рыба не мешала, но
не нагулять на лёт во сне смешно,
и клёв бывал, и все окрылены:

и птица с рыбой, у которой скука
никчёмности своей страшной испуга
пернатой смерти, и вода в волне
(однажды ветер выдул ураган,
и показалось морю, вот таран,
что, изнутри продлив его вовне,

ему позволит называться тихим);
так, с тем, там и *зашлись*, обняты лихом,
вдохнуть не задалось ни одному:
волну тотчас измял в валун мороз,
и рыбы пили твёрдую взасос,
и птицы загустели, по корму

от носа обратившись в дай бог память,
не вспомнить, даже если их обрамить, —
так в тех краях и зародился [Кук](#):
и воды отошли, и рыбы взвились:
от птиц оживших не уйти, не жились (!).
Их отогрела пара южных рук.

А там и [Амундсен](#) на юге завязался.

Честное слово (Кук)

Согласные твердеют на морозе,
и «р» в «на полюсе все направленья — юг»,
когда идти не можешь, а елозить —
не годовалый, староват для — это кряк,
упав со всеми, пробивает льдину,
и рыба с двумя «р» идёт ко дну,
ей не завидуешь: из сна наполовину
себя изъяв, взываешь, белизну
старанием движенья отгоняя,
потом тебя жуёт последний пёс,
облаяв кабысдохом и слюнтяем,
ему обиден твой анабиоз,
и тут ты вспоминаешь: вот же! *Слово*.
Дойти до полюса, а после хоть на юг.
Дал *честное*, а сам слабоголово
разлёгся подле. Ну же, чёртов [Кук](#),
полдня всего — и тёплую, руками,
потрогать, первым, ось моей Земли :-)...
Запавшими колючими боками
пёс щёки натирал, чтоб отошли,
и дерево лица, когда «спасибо!»,
медведя напугавшее до слёз,
с губ сорвалось, растаяло: «Я либо
на ужин буду там, — ты произнёс,
попятившись из иглу — не от цели, —
другое “либо” — вовремя, в обед!
Погнали, пёс. Мы первые. Доселе
никто и никогда. А только вслед».

Полярное зияние

Пространство впитывает без ноги в чулке.
На то и бездна, чтобы брать терпеньем
движенья внутрь до краски в мерклой зге,
закишей на торосе для прочтенья:
за кровью дюже: кончится огонь,
заест зубами стылое съестное,
траншейной кистью схватится ладонь,
а путь недолгий вытянется вдвое...

Плевать слюной. У дальней широты,
где в точку собираются долготы,
ось ход продлит, и от её вражды:
«Опять приполз?», и от её заботы:
«Вернуться чтобы, сторонись шпаны
медвежьей и других простых соблазнов!»
движения людей предрешены.
Зиянье бездны тоже не напрасно.

Русское географическое (Седов)

Давай-давай мешает полюсам:
 медвежью кровь забыть, оставить спички,
 тащить с собою баб и по привычке
 кормить эклерами... А марсовым и псам
 в цингу и в руки вмёрзшие ножи
 остатки каши: «Ну-ка, полижи, —
 который кабельтов совать: — Опустошай.
 Иначе не достичь, и полюс плакал.
 За маму ложку, и, глядишь, не на́ кол —
 в президиум посадят. И лишай
 не опояшет от допросов в ночь,
 и бюст на родине окажется точь-в-точь.
 Когда и если возвратимся». Псы,
 о баб занявшись, шамкали: «Не будем»,
 а марсовые, обманувшись в ртути,
 «И так дойдём, — несли, — теплынь, не ссы.
 Веди давай, томятся северá».
 Млел третий день; ушли позавчера.
 ...Вдовеют, а беду не отведут:
 баб доедали на обратном — терпко-сладки,
 уже не грели, но еды в достатке.
 И всё равно кончались — от простуд.
 ...[Седов](#), как все мы, канул по пути,
 а полюс, отступая, не найти.

Где-то на полюсе

Где тут почтовый ящик?.. Он строчил.

«Светает. Над Москвою уже полночь. Нагрел руками на семь строк чернил и понял, что безвыходная сволочь, снабженец наш влил в нас не антифриз, а что-то на воде, — с такою точкой замёрзнуть суждено не только близ, не отчитавшись ни единой строчкой, земной оси, которую пурга не отдаёт ни осмотреть, ни в жёны, но и Москвы, упав в её снега натруженным, а может, нагружённым разнообразной огненной водой. А ведь она вовне выходит рядом: торчит наружу и по часовой мозги кружит искательным отрядам. Цель сообщения: Вопрос: но только где? Преобладающее чувство: Это жопа».

Тут точно полюс?.. Отыскав в унте, одну из ног, он сделал два притопа, с прихлопами уже не задалось, — кровь поперхнулась и застыла вовсе. И впрямь не антифриз. Хрустела ось. Но что ему теперь земные оси.

Попутный

Подумал: «А подол при этом ветре
сумела б удержать?» И зверь вдали
костлявой белой лапой в мокром гетре
махнул пропаще: вновь не завезли,
и рядом с ноздреватою водою
осел, залёг, умолк и ухом в лёд
вцепился, слушая, как с завтрашной едою
играет море, стаю рыбы гнёт,
а та, уставшая нагуливать румянец
на глянцевой в закате синеве
загривков и боков, пускалась в танец
по румбу зюйд-зюйд-ост, и в голове
медвежьей возникало настроенье.
«Вот и попутный, — думал человек. —
Хорошего тебе с утра уженья,
лохматый, да прибудет жирный хек...
Отнимет и встопорщит до лопаток,
на обе положил бы и...» Пути
до полюса с треть мая, и остаток
он улыбался: мог бы и дойти.

Словарь слов: собака ездовая

СОБАКА ЕЗДОВАЯ. В здешний снег для переноса тел на расстоянья, в которых и заправский человек — лишь повод для последнего прощанья, верней велосипеда и копыт (см. Сколько их отброшено с дороги), незаменима, ибо добежит, о чём потом распишут в некрологе: «...Пришла одна, от Нансена рапорт при вскрытии нашли в её желудке: “С сим добрым псом, чем непомерно горд, скормив ему себя ещё в рассудке, в надежде, что отыщет путь домой, а вы, наевшись им, прочтёте это: тут не курорт, тут холодно зимой, которая всегда тут, даже летом...” Спи, славный Хунд, герр Фритьоф бы тобой...» См. также: Здешний снег: ...где смерти время, а жизни час; Тел перенос: ...зимой посилен по осям пространство-бремя — и лишь по ним; Заправский (человек): ...собаку ездовую не обидит, устав в толпе, да совершит побег: шаг вправо-влево — это он (эпитет).

Словарь слова: колесо

КОЛЕСО. ....

В ы т я г и в а я ж и л ы — и пространство
 вытягиваешь в стороны, чтоб все
 четыре длились, и непостоянство,
 и нетерпение влеклись на колесе,
 а не топтались по версте за годы,
 которых не достанет, чтоб узнать
 долготы расстояний и широты
 своих охот и кто кому под стать:
 равнина ль, шар ли, где за поворотом
 такое ждёт, что сгинешь, а идёшь, —
 нам, испуганным, или мы — высотам
 гор и лесов, к которым нетерпёж
 подталкивает гладью или кругом
 земли... Сначала это был квадрат,
 который мчался разве с перепугу —
 под градом издевательств и тирад:
 «Какая там Казань, не доберётся!»
 Прошли века веков, и, наконец,
 повадились бродить землепроходцы
 на треугольниках, пока терпел крестец.
 Да вымерли на подступах к Казани
 (Москва им и не снилась). И опять
 то лошадей придумают, то сани,
 то пешедрал, а дальше — ни на пядь.
 А нет бы круг, да хоть и полу-, и в столицу...
 Барклай, зима иль, может, русский бох? —
 О с т е р в е н е н и е. Как с ним не докатиться
 до колеса за столько-то эпох...
 С тех пор и колесим.

Летят себе

летит себе аэроплан
моим глазам противореча
упрямый воздух на таран
летит себе ему навстречу

творенье честного литья
крыло в картинах славной ковки
там чкалов беломор жуя
спешит к центавре без зимовки
а уточкин заткнув дыру
проделанную грустной птицей
другой рукой повечеру
штурвал кружит чтоб не убиться
аэроплан летит себе
весь броневой из нашей стали
готовой к вражеской пальбе
морозам даже нам не ввали
там где сейчас само летит
за минус много а машине
ничто не причинит обид
ну разве только наморщинит
как мастер брошенный в расплав
его взбодрит и успокоит
круги наследие забав
забавам предстоит геонд
густой как водка на столе
навстречу выпятился воздух

летит себе натяжеле
то в солнце а теперь уж в звёздах

они встречаются и вот
дробь барабана стынет чрево
уходит вправо самолёт
а воздух забирает влево

III

МЫЧЕНИЕ, А ПОТОМ РУКОЙ

Карл Рэндалл (Carl Randall)
«Токийский портрет №5» (Tokyo Portrait No.5). 2008
Холст, акрил: 112 × 145 см

Черновик (проба пера)

Рука бумагу теревит. Перо
елозит, выговаривая право
слагать мучительно, чтоб вешать за ребро
листок (чтоб ветерок сквозного нрава

чернила высинил) закруженной руке
покойно было: поводила — точка,
а в прочем, ей, подручной при зрачке,
хоть запятая: выдохлась — отсрочка;

перо скребётся о бумажные холмы,
бумага — замечали? — та прогулка,
царапая: «се проба, се шумы»,
«чернила замечательны», «как гулко

какой-то тварь пугает во дворе
милицией, приютом, живодёрней
пса приблудившегося, ну а тот горé
глазищи выставил небесные, озёрней

которых разве что Карьяла иль Чухна»,
«чернила — синие», «какое, право, утро:
вошла, поцеловала, “я нежна”
пропела, удалилась, прямо сутра»,

«Из-за случайности, ошибки, я жил-был,
родился в январе, тридцать второго

числа, от родины в эпоху подкидного
и родины — прародины чернил»,

«перо, чернила — вещь», «жаль, на глаза
попались поздно, и другие дети,
уже седые, были на примете
у полусмерти за “тугие паруса”»,

«была б рука ногой, любила б пыр,
а щёчкой только по своим воротам».
Зрачок — перу в руке: похоже, сыр?
Язык — чернилам: ладно, за работу.

Метельщик

Незапятнанный дворник, я машу и машу,
за душою затворник, на душе к кутежу —
вечер, пятница — тяга, мимо сторож скулит,
я на дворницком всяко, на охранном — пиит:
цербер алчет агдаму, а метельщик — цыган
и агдаму, и даму, истопник чтоб не зван
заявился пред очи и случилась война
Розки Белой и прочих, и скула докрасна
раскалилась ударом кочегара о стол,
и электрогитары пусть рыдают до смол
не в укор пилорамам из фанерных глубин,
а надраться агдамом я могу и один.
Вечер, пятница, воля, я повымел и смел
отказать в хлебе-соли человеку без дел.
Пить неделю — находка для метущего вглядь,
да устаток не тётка. Нет, хочу пописать.

Мычание, а потом рукой

Пока ты лаешь, пёс (не дашь потрогать лай?),
 десятки пар воздушных колебаний
 творю и облакаю в отчуждай
 и выезжай на них, пока гортанней
 не крикнет кто и тихо станет мне:
 хожу-пишу, а мог бы, мог бы, мог бы;
 мычу сейчас — а человек вонне
 сбивает молоко во имя догмы
 «дают коровы молоко, и молоко
 идёт на всякое, особенно на масло»,
 рукой во плошке в стиле рококо
 (хитро́) вертит, покуда не погасло
 в нём чувство дать дом новый молоку,
 сбивает шуйцей из упрямства, ибо
 придумал утром: «С правой начеку,
 а левая висит, я левой, типа,
 не пробовал ни разу, вот я и»;
 вот человек! И я строчу не лёжа,
 а в голове, шагая впереди
 себя, отставшего, на эн минут моложе,
 мычащего, что крем не нужен, стоп,
 и ящик подождёт, и с маслом кукиш,
 собьёшь мне пачку, я прочту взахлёб,
 ты на пальто накопишь и прикупишь,
 мне много надо масла, я клянусь,
 клянусь в него вгрызаться мытой ложкой
 за папу с мамой, за «но, видно, Русь

[так уж сотворена](#)», что неотложкой
на этом месте, около угла,
где кухня слева, а погоды справа
(дверь, если б я прибился, завела
под снег ребром и всё наружу «браво»),
всё кончится: в меня воткнули — что?
Мулетой помахав, воткнули шпагу,
«а ты мычал», и воздух в решето
груди ушёл. Я взялся за бумагу.

Бумажный рабочий

Я на листочке выписан доходчиво,
я что-то вроде чёрного рабочего:
я лезу в небо, если диск Земли*
вращаться кинулся, и шорохи, и звуки,
когда его края, ветра, канюки
о внешний воздух трутся, допекли,

и я, правитель**, каждого пернатого —
я в мраморе, я холоден, мне матово, —
гильотинирую; мне сверху видно всё:
и диск Земли, когда я на орбите
двужильной Лайкой*** взлаю: «Погоди ты!»,
поруганно замрёт на первой «о»,

и я, ефрейтор Тánатос****, на площади —
я с пулемётами, а вы «За шар!» полощете, —
я против шара, диск — Земля, всех покошу..
Не важно. Я из слов, но жив, и дико
мне: пёс заденет лапой — рвусь, до крика,
до ран сквозных. Я склонен к падежу.

---

* См. стихотворение «Анаксимен (воздух!)».

** См. ст. «Однажды в Савиньи-Ле-Тамле» из кн. «Долгое».

*** См. ст. «Лайка, Иван Петрович».

**** См. ст. «Рядовой Танатос (когда я чуть не выжил)» из кн. «Долгое».

Побег

Как больно из строки убраться в люди:
и не перемениться — ибо нечем:
его рука, застывшая в салюте,
не перепишет больше; пролепечем
друг другу что-то тёплое — и холод
по коже расплзётся напоследок,
отныне сам, а всё-таки уколот,
на самой поэтичной из планеток;
и кровь внутри, а не его чернила,
попробуй не заметь, когда прольётся:
рука (его меня перечернила?)
занозиста у здешнего народца;
и воздух местный угловат и плосок,
а на листе пролит был, часто хвойный, —
дышалось, распиналось, отголосок
я путаный теперь, по мне — покойный;
и — кто я им? — тургеневская дева:
Отс, капитан, замёрзший честь по чести,
уму непостижим, диетен чреву;
и — так не говорят (а мне: не лезьте)!
Но я попробую: дотронусь до ребёнка,
он нем ещё, и губ не обметало,
забарабанит мною перепонка,
и он, проснувшись, скажет (скажет?): мало.

Бумажный, чернильный

Бумажный, исписав себя, он спичкой
о призму чиркал; шелест-два-три-три
(по Цельсию) страничку за страничкой
листал, и бегло. «И не говори, —
одёргивал глазами по монете
из бронзы, за которую в метро
уже не пустят, и до пекла в кеде
помалкивал, потом кричал: — Перо
не смог!» И плакала. И осушал: «Бумажный
остался носовой, х/б-труссы,
тишайший тигр...» Да только рукопашной
кончалось всё равно: её низы
глубокие, как кашель (с головою
всё время выдают), звучали так,
что наверху посверкивали «к бою!»,
побатарейно перекачивались, влаг
суля потопы, правда, не разняли:
чернильный, он сгустился с первой тьмой,
но не растаял в дождевом обвале —
успела увести его домой.

Зря, Пушкин

...и не кончается строка.
Владимир Набоков

Ну нет, кончается; зря Пушкин глуповатый
язык высовывал и щетину лопатой
не разводил: упав, сломала кости
его строка, и вологодский пиджин
молчанием и злобой не обижен,
а вятский хорошеет, коли в злости,
и молчалив, куда не отсижен

срок первый ли, второй в орлиной позе
в цветущей зоне, и покорной прозе
поэзии собачьего мычания
не занимать; вот — получи ж с гвоздями
хлеб-соль, отечество со скорбью под когтями,
ты победило, а теперь гулянья:
строка вернётся — не сейчас, так днями.

Спираль (эта строчка)

Пока нет *этой строчки* — и мёня
не отыскать, а человек в чернилах,
увязший в заиканиях унылых, —
никто, подложный, даже не родня.

Пока нет *этой строчки* — нет меня;
когда она родится, я, старинный,
четвёркой лебединой, балериной,
пройдусь вприсядку, зрителей бледня,
и трезвым во саду ли, в огороде ль
под яблоней засну, и плод падёт,
и солнце встанет, и в самой природе
не хуже строк взойдёт невпроворот,
но лучше б — лучше, если повезёт,
и я, бумаги ломовой маратель,
лесов блокнотных новый друг-приятель,
не затруднюсь нарвать их наперёд.

Пока нет *этой строчки* — подотрёт
любая сволочь мною зад, но пуще
всего я сам себя кровососуще
обгладываю: ну а что насчёт
единственной заведомой задачи
примата — прокормить собой червей?
Вон сволочи торопятся на сдачу
своих прямых, как выгода, кровей...
Наверно, этой строчки вовсе нет,

была бы — не жил, звался бы животным,
ходил бы строем, загнивая в взводном,
да минут чаша эта и минет...

Пока нет *этой строчки* — её нет,
а если налетает — очень трушу:
ещё хоть раз сумею так же, сдюжу ль? —
Вновь мальчик и срываюсь на фальцет.

ГОНКА ПРОТЕКАЕТ ЧЕРЕЗ ВСЁ

Легко могу (краткое усилие — человек)	7
Молчание в четырёх (хорошо — плохо)	8
Тема глаз и зрения в парадигме русской обыденности	9
Шарканье и полёт	10
Под старыми обоями в пустой комнате	11
Мама, это мёртвые велосипедисты	12
История ночных часов (с субботы на)	13
Натюрморт	14
Можно пренебречь	16
Никем! (Из Эмили Дикинсон)	17
Стена и столб	18
Жил-был (silentium!)	19
Полярная звезда	21
Дно	22
На связи (всё будет хорошо)	23
Португалии и перья	24
Иногда взлетают	25
Зима у нас	27
Вглядываюсь (телевизор)	29
Тебя забыл (холод)	30
Не быть с тобой собакой (работёнка)	31
Идти (горизонт)	32
Стржеминский	33
На Венеру (ахдоچهжтолстой)!	35

ОСЬ ХОД ПРОДЛИТ

Первое января (весталка Клава выручает и блюдёт)	39
Одна спасёт	41
Молочница (ок. 1660)	42
Она вертится (Пахельбель)	44
Абстракт номер номер (что такое кастеллано и пиполо?)	45
Без паники (капитан Салерно)	47
Стена	49
Зиганшин	51
Галилей	53
«Кассини» всё	55
В отдалении	56
Ранние карандаши	57
И на Марсе будут	59
Лайка, Иван Петрович	60
Анаксимен (воздух!)	61
Влез Паскаль (окружности нет)	63
Капитан Отс (16 марта 1912 года)	64
Всё полно богов (капитан Скотт)	65
Разбилось небо	66
Рождение Кука	68
Честное слово (Кук)	70
Полярное зияние	71
Русское географическое (Седов)	72
Где-то на полюсе	73

Попутный	74
Словарь слов: собака ездовая	75
Словарь слов: колесо	76
Летят себе	77

МЫЧАНИЕ, А ПОТОМ РУКОЙ

Черновик (проба пера)	81
Метельщик	83
Мычание, а потом рукой	84
Бумажный рабочий	86
Побег	87
Бумажный, чернильный	88
Зря, Пушкин	89
Спираль (эта строчка)	90

тридцатое февраля
серпухов 2018 / 2